

А.М. Сунгурский

ЧУЖОЙ КАДР

А.М. Сунгурский

Чужой кадр

«Автор»
2026

Сунгурский А.

Чужой кадр / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Переплётчица Надя готовит выставку фотографий своего отца. Одна из афиш приводит к ней женщину, чья дочь пропала двадцать пять лет назад. У посетительницы есть снимок, полученный от похитителей. Надя узнаёт на нём себя — в чужом платье, с игрушкой возле лица.Своё детство она помнит. Её никто не похищал. Но отец снимал именно этот кадр и теперь называет его обычным заказом. Когда женщину находят мёртвой в его гараже, Наде приходится проверять слова людей, которым она доверяла всю жизнь.Там, где она помнит пирожное и голос отца, другая семья двадцать пять лет ждала ребёнка. Чтобы узнать, что произошло с настоящей Дашей, мало найти нужный негатив. Придётся решить, какие семейные воспоминания она готова сохранить — и какую ложь больше не станет беречь.

© Сунгурский А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Без золотых букв 5
Глава 2. Частный заказ 11
Глава 3. Ненужные вещи 16
Глава 4. Сухарь 21
Глава 5. Для печати 26
Глава 6. Синие ворота 31
Конец ознакомительного фрагмента. 34

А.М. Сунгурский
Чужой кадр

Глава 1. Без золотых букв

У свадебного альбома расходился корешок. Молодые продержались вместе тридцать семь лет, а картон, клей и марля не выдержали: стоило Наде приподнять верхнюю крышку, как между блоком и переплётом открывалась узкая тёмная щель.

Она положила альбом на стол и подложила под крышку два обрезка пенокартона. Жених на первом снимке стоял боком, с руками по швам, точно его собирались обыскать. Невеста, напротив, держалась вольно и даже чуть подавалась к фотографу, будто собиралась что-то ему возразить. За годы её фата пожелтела вместе с бумагой, а лицо осталось удивительно живым.

— Видишь, как надо? — сказала Надя мужу. — Она ещё тогда всё поняла.

Илья сидел на полу у входа в мастерскую и затягивал винт в новой дверной ручке. Старая ручка три дня оставалась в руках у посетителей. Те извинялись, хотя виноваты не были, и Наде приходилось отбирать у них деталь, открывать дверь локтем и обещать, что сегодня точно починят.

— Что поняла?

— Что он будет стоять, а она — говорить.

— Может, у него просто ботинки жмут.

Он проверил ручку, притворил и снова открыл дверь мастерской. Через короткий общий коридор была видна улица: наружную дверь Илья оставил распахнутой, пока носил инструменты. Сырой воздух шёл по полу, шевеля полоску упаковочной бумаги возле Надиных ног.

— Теперь до серебряной свадьбы выдержит, — сказал Илья.

— У них уже прошла.

— Тогда до золотой. Только не вешай на ручку сумки. Я на неё не рассчитывал как на семейную опору.

Надя хотела попросить его заодно посмотреть свет над рабочим столом, но он уже складывал отвёртки. На рукаве куртки белела засохшая капля краски. Илья должен был успеть в мастерскую за готовыми буквами для вывески, а после обеда ехал с напарником на монтаж. Он обещал заглянуть на десять минут и просидел сорок.

— Таню сегодня я, — сказала Надя прежде, чем он успел напомнить.

— В половине шестого. Не в шесть.

— Я записала.

— И она с папкой, не влезет на заднее сиденье, если ты опять возьмёшь все эти…

Он посмотрел на перевязанные бечёвкой пачки картона у окна.

— Все эти, — согласилась Надя. — Оставлю здесь.

Илья провёл ладонью по её затылку, задев металлическую заколку, и спросил, не колется ли эта штука, когда она лежит. Надя сказала, что обычно снимает. Он с сомнением посмотрел на неё: вчера она уснула с карандашом в волосах, а потом оба искали его в постели.

В открытую им дверь вошла женщина с синей сумкой через плечо. Илья придержал створку, пропуская её, и Надя ещё слышала его шаги за стеклом, когда посетительница положила на прилавок толстую папку.

— Вы книги чините?

— Чиним. Покажете?

Женщина не стала открывать папку. Сначала провела пальцем по краю свадебного альбома, который Надя оставила на рабочем столе, а потом убрала руку.

— Мне нужен новый. Такого размера. Только без золотых букв.

— Можно совсем без надписи. Для фотографий?

— Для фотографий тоже.

Она была в коротком сером пальто с застёжкой у горла. Подол спереди намок, словно женщина долго держала на коленях мокрую сумку. Волосы, почти совсем седые, были подстрижены до подбородка и заправлены за уши. Надя сперва приняла её за одну из библиотекарей, приносивших книги целыми стопками: так же осторожно она поставила сумку на чистую половину прилавка и так же внимательно посмотрела, куда можно положить перчатки.

— Садитесь, пожалуйста.

Женщина села на стул для заказчиков, но папку подтянула к себе, не оставив её Наде.

— Мне надо, чтобы листы можно было добавлять. И убирать, если понадобится. Чтобы не выдирать.

— Тогда лучше на винтах. Я покажу образец.

Надя достала с полки небольшой альбом в тканевой обложке. Посетительница открыла его, попробовала повернуть лист и остановилась, когда почувствовала сопротивление.

— Здесь пока затянуто, — объяснила Надя. — Чтобы добавить лист, винты откручивают. А потом снова собирают.

— Я смогу сама?

— Конечно. Только не сразу пятьдесят дополнительных. У винтов есть длина.

Женщина впервые улыбнулась.

— Пятьдесят мне уже, наверное, не понадобится.

Она сказала это без вздоха, почти деловито, и Надя не стала выбирать сочувственный ответ. В мастерскую приходили с фотографиями умерших и с фотографиями людей, которых ещё не умели считать умершими для себя. Однажды мужчина попросил вырезать из свадебного альбома жену, а через две недели вернулся и спросил, не сохранила ли Надя обрезки. После этого она всегда объясняла заказчикам, что именно невозможно будет вернуть.

— Сколько листов сейчас?

— Я не считала.

Посетительница расстегнула молнию на папке. Внутри лежали прозрачные файлы, конверты, тетрадь в коричневой обложке и несколько вырезок, сложенных так давно, что сгибы стали белыми. На верхнем конверте виднелось имя, написанное синим шариковым стержнем. Надя успела прочитать «Ларисе Андреевне», прежде чем женщина перевернула его адресом вниз.

— Тут сначала надо понять, что оставлять, — сказала она. — Сын предлагает всё отсканировать. Чтобы не возить бумагу.

— Отсканировать полезно. Но одно другому не мешает.

— Он говорит, у меня каждый лист в трёх экземплярах.

— Бывает и такое.

— Бывает. Только иногда на одном написано то, чего нет на другом.

Она посмотрела на Надю, словно проверяя, не собирается ли та спорить за незнакомого сына. Надя достала чистый лист и карандаш.

— Давайте начнём с размеров. Что точно должно войти?

Женщина вынула из папки фотографию в прозрачном кармане. Снимок был небольшой, с узкой белой каймой. Его положили на стол лицом вверх, и Надя сначала увидела только светлое платье, деревянную стену и руку ребёнка, поднятую к лицу.

Потом она заметила манжету.

Внизу рукава шла тёмная поперечная полоска. Второй рукав был длиннее и заканчивался у самых пальцев. Надя наклонилась, не притрагиваясь к фотографии.

— Можно вынуть?

— Да. За края.

Посетительница сказала это раньше, чем Надя успела подцепить пластик. Надя кивнула и освободила снимок.

Девочка стояла возле серой дощатой стены. Голова была повёрнута от камеры; волосы падали на щёку и скрывали лицо. В левой руке она держала мягкую игрушку, которую прижимала к груди так высоко, что почти не было видно подбородка. Одежда сидела неловко: узкие плечи терялись в светлом платье, один рукав был подогнут и подшит тёмной ниткой. На ногах — туфли с ремешками.

Надя помнила эти туфли. Пряжка на левой застёгивалась легче, а правая царапала большой палец, если браться за неё ногтем. Отец всегда ругался, когда она наступала на задники. Один раз он сам попытался надеть ей правую туфлю, не расстегнув ремешка, и она торжествующе сказала, что теперь можно и ей.

Она отодвинула снимок от себя. В мастерской громко щёлкнул термостат электрического обогревателя.

— Откуда у вас это?

Женщина не потянулась за фотографией.

— Вы узнали?

— У папы была такая съёмка. Я не помню… — Надя снова посмотрела на платье. — Это я.

— Вы уверены?

Теперь вопрос прозвучал жёстче, чем все предыдущие. Надя подняла глаза. Женщина сидела очень прямо, держась обеими руками за края папки, и на большом пальце у неё белела полоска там, где ноготь давил на кожу.

— По лицу не скажешь, — произнесла Надя. — Но рукав… Мама подшила один, а потом ей позвонили. Второй я завернула сама. Он всё время разворачивался. Папа говорил, не трогай, как-нибудь будет.

Ей вспомнилось, как ткань тянула кисть вниз. Платье пахло чужим шкафом, чем-то сладким и старым, и ей хотелось скорее переодеться. Эту часть она помнила отчётливо. Почему они снимали возле деревянной стены, она уже не знала. У отца было столько задумок: лестница, коряга, перевёрнутая лодка, коробка с маленькой прорезью, в которую нужно заглянуть, будто там что-то удивительное. На некоторых фотографиях из её детства она выглядела очень занятой. Обычно в это время она скучала.

— Фамилия ваша тогда была Зорина? — спросила женщина.

Надя осторожно опустила фотографию на стол.

— Да. А сейчас Лаврова. Вы папина знакомая?

— Я Лариса Лукина.

Надя ждала продолжения. Фамилия ничего ей не объясняла.

— У меня пропала дочь. Даша. В две тысячи первом году.

За стеклом остановилась машина. Кто-то дважды посигналил, и Надя машинально посмотрела на дверь, будто это мог быть Илья, забывший инструмент. На улице мужчина в расстёгнутой куртке махал кому-то со второго этажа. Он не имел к ним отношения.

— Простите, — сказала Надя. — Я не понимаю.

Лариса открыла коричневую тетрадь. Между страницами лежала ещё одна фотография — цветная, заметно лучше сохранившаяся. Девочка с короткими волосами сидела на подоконнике и показывала в камеру ладонь. На ладони лежал крошечный бумажный кораблик, слишком маленький, чтобы он мог держаться на воде. Девочка смеялась, рот был приоткрыт, и на месте одного верхнего зуба виднелся неровный белый край нового.

Надя никогда не видела этого ребёнка.

— Вот Даша, — сказала Лариса. — А тот снимок нам прислали через несколько дней после того, как её забрали.

Она не стала передвигать фотографии ближе друг к другу. Между ними оставался Надин карандаш.

— Похитители? — спросила Надя.

Лариса кивнула.

Надя снова взяла первый снимок, хотя ещё мгновение назад ей не хотелось к нему прикасаться. Девочка возле стены держала игрушку левой рукой. На среднем пальце правой, опущенной вдоль платья, могло быть чернильное пятно, но на такой маленькой фотографии этого нельзя было разобрать. Надя смотрела, стараясь увидеть что-нибудь, что позволило бы положить снимок на стол и сказать, что ошиблась.

— Я не была… — начала она и замолчала.

— Я понимаю.

— Я жила дома. С родителями. Никто меня не похищал.

— Я понимаю, Надежда.

Лариса произнесла её имя так спокойно, словно давно готовилась к этому разговору и всё равно боялась его испортить.

Надя встала. На пол упал карандаш, и она нагнулась за ним, но не сразу нашла: он закатился под край картона. Пришлось отодвинуть целую пачку. Это заняло несколько секунд, за которые можно было бы придумать объяснение. Старый снимок попал не в тот конверт. Кто-то взял фотографию из выставочного каталога. Отец снимал похожих детей, снимал целые классы, иногда одну девочку действительно было трудно отличить от другой, особенно если не видно лица.

Но короткий рукав она помнила. И туфли. И как отец позволил ей после съёмки выбрать пирожное, хотя до обеда оставалось совсем немного.

— Почему вы пришли ко мне сейчас?

Лариса вынула телефон. В толстом прозрачном чехле пожелтели края, а у отверстия для зарядки пластик отогнулся. Она открыла сохранённую картинку и повернула экран к Наде.

Это была одна из афиш отцовской будущей выставки. Надя сама отправила дизайнеру фотографии неделю назад. На афише стоял предварительный заголовок: «Виктор Зорин. Частная жизнь города». В нижнем углу поместили три небольших семейных кадра. На одном Надя лет десяти сидела на ящике возле деревянной стены, задрав голову к отцу. В руке у неё была бумажная салфетка с пирожным.

Тот же неровный край подогнутого рукава.

— Мне переслали, — сказала Лариса. — Я позвонила по номеру выставки. Там сказали, архивом занимается дочь. И дали ваш рабочий телефон. Я решила сначала прийти.

— Этот снимок никогда не выставлялся.

— Теперь выставился.

Надя слышала в её голосе усталость, но не упрёк. От этого было хуже. Если бы женщина обвиняла её, можно было бы хотя бы защищаться.

— Вы тогда думали, что на фотографии Даша?

Лариса убрала телефон и некоторое время смотрела на свадебный альбом. Невеста на первой странице по-прежнему собиралась возразить фотографу.

— Я думала, что это не она. Потом думала, что я просто хочу ошибиться. Или не хочу. Даша иначе причёсывалась, но на такой фотографии попробуй разбери. Платье не её, но платье можно надеть любое. Игрушка наша. Я её сама зашивала. Когда тебе не дают услышать голос, начинаешь разглядывать всё подряд. Даже то, чего там нет.

— А милиция?

— Они тоже разглядывали. Снимок был в деле. Я не держала его под подушкой вместо того, чтобы показать следователю.

Надя почувствовала, что покраснела.

— Простите. Я не это имела в виду.

— Знаю. Все сначала спрашивают именно это.

Лариса сложила ладони на папке. Теперь, когда она отпустила её края, Надя увидела, что кожа возле ногтя надорвана до крови.

— Ваш отец жив?

— Да.

— Он в городе?

— Да.

— Я хочу с ним поговорить. Но сначала мне надо было знать, что я не увидела опять то, чего нет.

Надя посмотрела на афишу в телефоне, который Лариса снова положила между ними. Подпись отца была сделана широким размашистым почерком; дизайнер вырезал её из отсканированного письма. Надя ещё попросила сделать росчерк поменьше, иначе он залезал на фотографию мальчика с велосипедом.

— Я ему позвоню, — сказала она.

Лариса задержала её руку возле телефона.

Прикосновение было коротким и сухим. Надя сразу замерла.

— Не говорите, что я всё знаю, — попросила Лариса. — Я ничего ещё не знаю. Спросите, где он вас снимал. Просто спросите.

Наде не понравилась эта просьба. Она слишком походила на маленькую хитрость против отца, который мог вообще не иметь отношения к тому, как чужие люди распорядились его работой.

— Он мог дать снимок кому-нибудь. Для оформления. Или у него взяли без спроса.

Лариса отняла руку.

— Мог.

Она согласилась так быстро, что Надя поняла: женщина уже много раз слышала подобные слова и не собирается тратить остаток сил на спор с каждым.

За стеной включили дрель. В соседней комнате, у портнихи Марины, меняли проводку; хозяин обещал закончить ещё в августе. Надя подождала, пока сверление стихнет, и набрала отца.

Он ответил не сразу.

— Надюш, ты очень вовремя. Скажи своему дизайнеру, что я не фотографировал частную жизнь города. Я фотографировал людей. Что это вообще за частная жизнь у города?

Надя посмотрела на Ларису. Та сидела неподвижно, чуть отвернувшись, словно давала дочери возможность побыть с отцом наедине.

— Заголовок пока рабочий, пап. Я хотела спросить про одну фотографию.

— Там велосипед перевёрнут. Я тебе говорил. Нельзя было зеркалить.

— Не про велосипед. Про меня. Где я у деревянной стены, в светлом платье, с пирожным.

Отец что-то положил рядом с телефоном. Раздался отчётливый звон стекла о стекло.

— Ну?

— Где это было?

— Какая стена?

— Из досок. Ты мне тогда купил пирожное. У платья один рукав подшит, а другой нет.

— Надя, я тебе столько пирожных покупал, что мне теперь из-за каждого выговор можно объявить.

Она почти улыбнулась. Привычка оказалась быстрее всего остального.

— Посмотри афишу. Нижняя фотография справа.

— Сейчас мне неудобно. Я руки вымою и посмотрю. К чему такая срочность?

— Женщина принесла снимок. Там тоже я, у этой стены.

— Какая женщина?

Надя сжала телефон. Лариса не подняла головы, но пальцы у неё снова легли на края папки.

— Заказчица. Лариса Андреевна Лукина.

На этот раз отец не ответил. Надя слышала воду: короткий сильный шум, потом более слабый, будто он повернул кран. Она ждала, пока он вытрет руки.

— Пап?

— Я сейчас приеду, — сказал он.

— Ты вспомнил?

— Ничего не обещай. Я сам с ней поговорю.

Он отключился прежде, чем Надя успела спросить, что именно она могла пообещать.

Лариса закрыла папку, оставив обе фотографии на столе.

— Я подожду, — сказала она. — Если вам не помешаю.

Надя взяла со стола чистый картон и накрыла свадебный альбом, чтобы на него не попала пыль из соседнего помещения. Потом поставила перед Ларисой стакан воды. Заказ на новый переплёт они так и не записали.

Глава 2. Частный заказ

Пока они ждали, Лариса достала из сумки небольшой пластмассовый контейнер. В нём лежали два бутерброда, завёрнутые в салфетку. Один она предложила Наде.

— Спасибо, я не хочу.

— Тогда я поем. С утра только чай.

Она развернула салфетку на коленях, придерживая край пальто, и откусила хлеб. В бутерброде были сыр и тонко нарезанный солёный огурец. Надя смотрела на этот огурец с неожиданным облегчением: перед ней сидела женщина, которая утром открыла банку, достала нож, подумала, что до дома ещё далеко. Последние полчаса складывались у Нади в нечто отдельное от обычной жизни, а Лариса просто ела и стряхивала крошки в салфетку.

— Мне можно посмотреть остальное? — спросила Надя, кивнув на папку.

— Что именно?

— Не знаю. Про Дашу.

Лариса прожевала и закрыла контейнер.

— Можно. Но сначала скажите, вы собираетесь помогать мне или вашему отцу?

Надя отступила к рабочему столу.

— Я пока не вижу, почему надо выбирать.

— Хорошо. Было бы хорошо.

Она не открыла папку. Надя рассердилась: её втянули в чужое несчастье, показали страшную вещь, а теперь уже требовали присяги. Она подумала, что Илья сумел бы сказать это спокойно, без обиды. И почти сразу поняла, что не стала бы просить его говорить за себя.

— Я не обещала вам расследовать похищение, — произнесла она. — Я узнала фотографию. И позвонила папе. Это всё, что я пока могу.

— Я слышала.

— Тогда зачем вы так спрашиваете?

Лариса задвинула контейнер в сумку и вернула руку на папку.

— Потому что вы ещё до звонка начали объяснять, как он мог быть ни при чём. А я за эти годы объяснений наслушалась. Иногда от людей, которые потом действительно оказывались ни при чём. Я не умею сразу отличать.

Надя опустила голову. В словах женщины не было утешения, но хотя бы не было и того обвинения, против которого она уже приготовилась защищаться.

— Я найду исходную фотографию с афиши, — сказала она. — Бумажную. Она у меня здесь, в коробке для выставки. И покажу вам.

— Спасибо.

— Только я не знаю, сколько займёт поиск. Я их разбирала по темам, не по годам.

Лариса кивнула. Одна из тех крошек, которые она старалась удержать в салфетке, осталась на пальто. Надя заметила её и не стала указывать.

Отец приехал без четверти час. Надя запомнила время, потому что как раз посмотрела на телефон: заказчик обещал забрать отремонтированную книгу до обеда, а она ещё не упаковала её. За стеклом возник Виктор в своей старой кожаной куртке и вязаной шапке. Он сначала потянул дверь, хотя её надо было толкать, потом увидел Надю и досадливо махнул рукой, словно дверь нарочно подвела его перед дочерью.

Войдя, он снял шапку. Волосы на затылке встали дыбом. Надя всегда приглаживала их, прежде чем он выходил из дома, и теперь тоже чуть не подняла руку.

— Здравствуйте, — сказал Виктор. — Вы Лариса Андреевна?

— Да. Мы встречались. Давно.

— Возможно. Извините, у меня столько лиц…

— В вашем ателье. Мы делали фотографии на заграничные паспорта. Я, муж и дети. Это было ещё до того, как Даша пропала.

Виктор кивнул с той профессиональной серьёзностью, с какой признавал любое чужое воспоминание о себе. Надя видела это много раз. Человек говорил: «Вы снимали меня в третьем классе», — и отец немедленно принимал его в свой огромный, плохо поддающийся учёту круг. Он мог не помнить лица, но помнил, как третьеклассники прятали руки в рукава и толкались возле стула, и этого хватало, чтобы разговор состоялся.

Сейчас он не спросил ни школу, ни год.

— Покажите, — сказал он.

Лариса пододвинула к нему снимок у стены. Настоящий портрет Даши оставила возле себя.

Отец вынул очки из нагрудного кармана, подышал на стёкла и протёр их краем шарфа. Надя смотрела на его руки. Широкий обручальный след на безымянном пальце уже почти исчез; кольцо он снял два года назад, когда опух сустав, и с тех пор держал в коробке с маминими серьгами.

Он посмотрел на фотографию, не прикасаясь к ней.

— Где вы её взяли?

— Нам прислали. В две тысячи первом. Когда требовали деньги.

— Это оригинал?

— Это один из отпечатков, которые тогда сделали для меня. Присланный экземпляр я передала следователю.

— С пересъёмки?

— Я не помню, как именно его делали. Мне вернули несколько таких. Что это меняет?

Виктор пожал плечами и всё-таки взял снимок. Держал он его правильно, за края, но Лариса проводила движение глазами.

— Вы снимали эту девочку?

— Похоже на мою дочь.

— Пап, это я, — сказала Надя.

— Ты сейчас не перебивай. Мы пытаемся разобраться.

Её сразу отбросило назад, к школьным собраниям, где отец подробно объяснял учительнице, почему Надя не могла нагрубить, и при этом не давал самой Наде сказать ни слова. Она положила ладони на край стола.

— Именно поэтому я буду говорить. Я помню съёмку.

Виктор сдвинул очки к кончику носа и посмотрел на неё поверх оправы.

— Что ты помнишь?

— Платье. Что мама не успела подшить второй рукав. Туфли. Пирожное потом.

— Всё это у тебя было много раз.

— Платье было чужое.

— У меня половина костюмов в ателье были чужие. Девочки в коронах снимались. Мальчики в бескозырках. Ты предлагаешь каждую корону теперь разыскивать?

— Я предлагаю разыскать мою дочь, — сказала Лариса.

Она произнесла это негромко. Виктор опустил фотографию.

Из соседнего помещения снова ударила дрель. На этот раз сверлили долго, с нажимом, и все трое молча ждали, пока звук кончится. Надя почти хотела, чтобы он не кончался. Можно было бы сослаться на шум, выйти на улицу, купить кофе, сделать всё, что люди обычно делали, когда работать становилось невозможно.

— Это мог быть частный заказ, — сказал отец, когда за стеной стихло. — Для оформления. Для печати.

— Чей заказ?

— Двадцать пять лет прошло, Лариса Андреевна.

— Мне не надо напоминать.

Он кивнул, приняв замечание, и впервые посмотрел на портрет Даши.

— Я не знал, что фотографию используют таким образом.

Надя почувствовала, как её тело почти целиком подалось к этой фразе. Вот оно, объяснение, с которым можно было жить: кто-то распорядился отцовской работой, отец не имел отношения к происходившему после съёмки. Она даже открыла рот, чтобы спросить, можно ли найти заказчика, но Лариса опередила её.

— Значит, снимали вы?

Отец задержал взгляд на дочери.

— Вероятно, я.

— А передали кому?

— Я попробую вспомнить.

— Снимок где-то публиковался? До того, как его нам прислали?

— Не знаю. Не всё публиковали. Иногда делали пробу, а потом отказывались. Это обычная работа.

— Игрушка на снимке — Дашина. Ей её подарила моя сестра. У игрушки была порвана лапа, я зашивала. Вы помните, кто её принёс?

Виктор посмотрел на фотографию внимательнее. Теперь он поднёс её к свету, падавшему из окна.

— Здесь лапы не видно.

— Мне прислали не только фотографию. Игрушку тоже вернули. В другом пакете.

Надя резко подняла голову. Об этом Лариса ещё не говорила.

— Она у вас сохранилась?

— Да.

— Я могу посмотреть?

Лариса не ответила сразу. Надя ждала отказа, но женщина только спросила:

— Зачем?

Надя посмотрела на отца.

— Хочу вспомнить, что я держала.

— На фотографии это могла быть похожая игрушка, — сказал Виктор.

— Могла, — согласилась Лариса. — Я поэтому и пришла. Я не хочу опять тратить год на то, что просто похоже.

Виктор вернул снимок на стол. Его телефон зазвонил в кармане, и Надя увидела на экране имя Артёма, когда он достал аппарат. Отец отключил звук.

— У меня часть архива уже перевезли, — сказал он. — Надо смотреть. На память я вам ничего сейчас не скажу.

— Перевезли куда? — спросила Надя.

— В гараж. Рамы, коробки. То, что в ателье мешало. Артём организовал.

— Ты мне говорил, что там только старое оборудование.

— И коробки. Они там не пропадут. У меня сухо.

Надя знала этот гараж с детства. Машина давно не помещалась в нём: вдоль стен стояли разобранные стойки, деревянные задники, рулоны фона, ящики с проводами. Последний раз она была там весной, когда отец попросил найти ножную педаль от старого прибора, которого уже не было. Педаль нашлась; зачем понадобилась, он так и не объяснил.

— Плёнки тоже увезли?

— Я сказал: надо смотреть.

— Я сегодня посмотрю.

Он хотел возразить, но Лариса уже поднялась.

— Я оставлю вам номер. И завтра позвоню.

— Мы сами свяжемся, — сказал Виктор.

— Я завтра позвоню, — повторила она.

Она продиктовала Наде номер и дождалась короткого проверочного звонка. Потом убрала настоящий портрет Даши в тетрадь, а ложный снимок снова вложила в прозрачный карман.

— Мне нужен его скан, — сказала Надя.

— Сделайте.

Виктор молчал, пока они проходили к сканеру. Лариса сама вынула фотографию и передала Наде. Та положила её на стекло, закрыла крышку и посмотрела на предварительное изображение на мониторе. Девочка у стены стала крупнее, но лицо не появилось. Тёмное место под волосами осталось тёмным местом. Надя убрала автоматическое усиление цвета, которое программа включала по умолчанию, и сохранила изображение таким, каким оно получилось со сканера.

— Пришлите и мне, пожалуйста, — попросила Лариса. — Только не обрезайте края.

Надя отправила файл на продиктованный адрес, затем сняла фотографию со стекла и вернула хозяйке. В папке на компьютере появился одинокий файл с сегодняшней датой. Она переименовала его, добавив фамилию Лукиной.

Уходя, Лариса остановилась возле свадебного альбома.

— Сколько будет стоить такой, как мы говорили? На винтах.

Надя назвала предварительную цену и объяснила, от чего она зависит. Ей хотелось предложить сделать бесплатно, но это прозвучало бы так, словно она уже расплачивается за отца.

Лариса выслушала и сказала, что подумает о ткани.

— Только без золотых букв, — напомнила она.

— Я записала.

Когда за ней закрылась дверь, отец надел шапку и потянул её вниз, прикрыв оттопыренные волосы.

— Ты понимаешь, в каком она состоянии? — спросил он.

— Понимаю, в каком я.

— Я не об этом.

— А я об этом. Ты сначала сказал «похоже». Потом — «вероятно, я». А теперь собираешься говорить о её состоянии.

Он сжал губы. Надя знала этот жест и приготовилась к упрёку в грубости, но отец вдруг устало опустился на освободившийся стул.

— Не надо делать из меня врага, Надя. Я ничего плохого тебе не сделал.

Она посмотрела на компьютер, где на экране оставалась увеличенная фотография.

— Расскажи, что это за заказ.

Виктор снял шапку снова. Он держал её на коленях, точно не мог решить, остаётся или уходит.

— Был человек. Сергей Терехов. Он занимался оборудованием, возил запчасти. Мы работали иногда вместе. Мог попросить сделать образец для рекламы. Если это он, спросить уже не у кого. Он умер давно.

— Ты помнишь, что попросил именно он?

— Я пытаюсь вспомнить, а ты хочешь, чтобы я тебе сейчас протокол выдал. Дай мне хотя бы день.

Надя вспомнила, как он по телефону сказал: «Ничего не обещай». До того, как посмотрел фотографию. Она хотела спросить об этом, но в дверь постучали.

За книгой пришёл заказчик — пожилой мужчина в куртке с высоким воротником. Он поздоровался с Виктором, узнал его и стал рассказывать, как отец снимал выпуск их училища.

Виктор поднялся, уже улыбаясь, спросил год и фамилию мастера. Имя он вспомнил сразу. У Нади от этого свело челюсти.

Пока они разговаривали, она завернула книгу в бумагу. Мужчина прижал её к груди, проверяя, надёжно ли сидит переплёт, расплатился и ещё немного постоял у двери. С отцом он попрощался дважды.

Виктор вышел следом, обернувшись только для того, чтобы сказать:

— В гараж без Артёма не ходи. Там навалено, ещё уронишь на себя что-нибудь.

Надя ответила, что позвонит брату. Отец кивнул, будто они снова договорились о простом и разумном деле.

Когда его машина отъехала, она открыла выставочную коробку. Сверху лежали школьные группы, перевязанные широкой хлопковой тесьмой. На каждом снимке кто-нибудь стоял с закрытыми глазами. Отец всегда оставлял несколько вариантов, чтобы у родителей был выбор, и Надя в детстве считала это высшей справедливостью: если ты моргнул, не обязательно оставаться таким навсегда.

Она сняла первую пачку, потом вторую. Семейные фотографии были сложены отдельно, в бумажный пакет из магазина обуви. Его она принесла сюда неделю назад, отсканировала часть снимков и больше не открывала.

Тот, который попал на афишу, нашёлся быстро. Надя сидела на перевёрнутом деревянном ящике и держала пирожное двумя руками. Платье оказалось не белым, как ей показалось на маленьком скане, а очень светлым, с едва различимыми полосками. Один рукав был подогнут выше другого. Лицо было видно целиком: острый подбородок, прищур, кончик языка у верхней губы. Она старалась не уронить крем.

Надя положила отпечаток рядом с распечатанной копией снимка Лукиной. Дощатая стена на обоих уходила вбок; на одной доске виднелась вытянутая светлая заплата. Она находилась чуть выше детского плеча. На семейном кадре её край закрывала поднятая рука с пирожным.

Никакого лица из тени извлекать не пришлось. Отец уже снял её лицо в тот день — просто для другой фотографии.

Надя перевернула семейный снимок. На обороте было написано: «Надюшка. Девять лет».

Почерк был мамин.

Глава 3. Ненужные вещи

Артём согласился приехать к гаражу в три и сразу предупредил, что у него будет сорок минут.

— Если отец опять ищет педаль, она у него дома, — сказал он. — В прихожей, под тумбой. Сам туда положил.

Надя объяснила, что ищет старые негативы.

— Для выставки?

— И для неё тоже.

— Давай конкретно. У меня сегодня человек холодильный шкаф принимает, мне надо быть на месте.

Она рассказала про Ларису. Сначала коротко, потом ещё раз — Артём перебил и попросил вернуться к тому, откуда взялся снимок. Когда Надя дошла до отцовского ответа, брат выругался, но не так, как она ожидала.

— Он мне ни слова. Звонил, сказал, ты хочешь архив перебрать. Я ещё спросил, обязательно сегодня? Он: обязательно. Отлично.

— Ты знаешь что-нибудь про эту съёмку?

— Про какую? Мне пятнадцать было. Я тогда знал, у кого кассеты можно переписать и кто на дискотеку идёт. Ты хочешь, чтобы я сейчас вспомнил твой гардероб?

— Не гардероб. Поездку.

— Покажешь на месте. Не лезь туда одна, я подъеду.

Надя закрыла мастерскую, оставив на двери записку с номером телефона. Свадебный альбом остался под лёгким грузом, а обе копии фотографий она положила в жёсткую папку. Семейный оригинал с маминым почерком взяла отдельно, в чистом конверте. Она уже собиралась выйти, когда заметила карточку заказа на большой альбом для преподавательницы музыки: обещала отправить варианты ткани до вечера. Надя сфотографировала образцы, подписала номера и нажала «отправить», не дожидаясь, пока исчезнет чувство, что всё это теперь лишнее.

Гараж отца находился в длинном ряду кирпичных боксов за железнодорожными путями. Когда-то каждый хозяин красил ворота в свой цвет, и Надя легко находила нужные — светло-синие, с белым пятном возле замка. Теперь краска облезла, рядом появился высокий серый забор, а несколько ворот заменили одинаковыми коричневыми. Она проехала мимо, вернулась и только тогда увидела отцовский номер, выведенный трафаретом над притолокой.

Артём уже стоял возле машины и разговаривал по телефону. Он поднял ладонь, показывая, что видит сестру, но не стал заканчивать разговор быстрее. Надя припарковалась за ним, поставила папку на сиденье и вышла. На земле лежала мокрая фанера; брат носком ботинка отодвинул её от ворот, чтобы она не скользнула под ногами.

— Не включайте пока, — сказал он в телефон. — Он стоял на боку. Я вам утром писал. Пусть постоит… Потому что я потом не хочу объяснять, почему компрессор шумит. Да. Я буду.

Он убрал телефон и достал ключи.

— Давай покажи, из-за чего сыр-бор.

Надя вынула распечатки. Артём посмотрел на первую, потом на вторую и задержался на фотографии с пирожным.

— Тебя всегда кормили вне очереди.

— Артём.

— Я вижу. Это ты. Дальше что?

— Дальше этот снимок отправили людям, у которых пропал ребёнок.

Он снова перевёл взгляд на девочку у стены. На лице у него пропало то выражение старшего брата, с которым он обычно выслушивал Надины тревоги: полусерьёзное, заранее обещающее привести всё в порядок.

— Отец точно это видел?

— Сегодня у меня в мастерской.

— И что?

— Сказал, мог быть заказ. Может быть, от Сергея Терехова.

Артём повернул ключ в замке и толкнул створку.

— От Ромкиного отца?

— Наверное. Я не помню.

— Конечно, от его. Ты Рому-то помнишь?

Надя кивнула. Роман Терехов в её детстве принадлежал к тем взрослым мальчикам, которым позволяли приходить к отцу без звонка и брать со стола печенье. Он был старше Артёма и однажды показал ей, как спрятать монету между пальцами. У неё не получилось, потому что пальцы были слишком короткие. Позднее она встречала его в ателье, уже совсем взрослого, с тяжёлыми ключами на карабине и привычкой звонить по телефону, не выходя из чужого разговора.

— Он же возил отцу рамы на прошлой неделе, — сказал Артём. — Я с ним договаривался.

— Из этого гаража?

— Сначала сюда, потом часть отвёз в помещение под выставку. У него фургон. Нам что, на крыше твоей машины возить?

Надя не ответила. Она смотрела в открывшийся проход между ящиками.

В гараже действительно было суше, чем на улице. Пахло пылью, резиной и старым деревом. Вдоль левой стены стояли металлические стойки, обмотанные проводами, а справа до самого потолка возвышались коробки. Отцовский автомобиль не заезжал сюда уже много лет, и пространство, когда-то оставленное для него, занял длинный стол с рулонами фона. Под столом лежал ковёр, который Надя помнила по детским домашним фотографиям. На нём была светлая полоса: шкаф стоял на этом месте, закрывая ткань от солнца.

Артём поднял выключатель возле двери. Загорелись две длинные лампы под потолком; одна несколько раз мигнула и перестала.

— Вот поэтому я говорю, надо разбирать, — сказал он. — Мы храним то, что уже никто никогда не включит. Он мне каждый раз: пригодится. Кому пригодится проявочная машина без половины деталей?

— Не всё надо выбрасывать.

— Я пока ничего не выбросил. Я даже не могу продать пустой ящик, потому что он специально вырезан под какой-то прибор. Прибора нет, ящик священный.

Надя провела пальцем по краю стола и сразу пожалела: на коже осталась тёмная липкая пыль. В сумке нашлась салфетка. Артём снял куртку, повесил на гвоздь и стал переставлять верхние коробки с правого стеллажа.

— Здесь то, что из ателье. Дальше пока не лезь, там стекло.

Он подал ей коробку из-под бумаги для принтера. На крышке было написано «СЕМ». Отец всегда сокращал названия так, будто экономил место в секретной переписке. «ШК» означало школьные съёмки, «ДОК» — документы, а «РАЗ» могло относиться к чему угодно.

Надя поставила коробку на свободный угол стола. Внутри лежали конверты с негативами, несколько старых индексных отпечатков и пожелтевшие листки с фамилиями заказчиков. Она достала первый конверт. На нём была чужая фамилия и дата, которую удалось прочитать только по месяцу. Надя вернула его точно на прежнее место.

— Надо не все вытаскивать, — сказала она. — Сначала посмотреть, как он складывал.

— Он складывал как придётся.

— Ты не знаешь.

— Я знаю, как он складывал квитанции. Одни под сахарницей, другие в паспорте, третьи в коробке «квитанции», но там они за девяносто восьмой год.

— С плёнками у него аккуратнее.

Артём поднял ещё одну коробку, на дне которой что-то с сухим стуком перекатилось из угла в угол.

— Вот, например, часы. В плёнках. Для порядка.

Надя улыбнулась против воли. Брат тоже улыбнулся, и на мгновение им снова стало просто: папа хранил невозможное количество вещей, а они вдвоём пытались договориться с его миром, не разрушив его окончательно.

В коробке «СЕМ» не было ни одной плёнки, которую Надя могла бы уверенно отнести к нужной поездке. Она увидела фотографии Артёмова выпускного, себя возле моря, маму с короткой стрижкой, которой та осталась недовольна. На маленьких изображениях индексного листа всё смешивалось в полоски и пятна; Надя поднесла его к свету и поняла, что надо смотреть дома или в мастерской, а не на весу над пыльным столом.

— Я возьму эту коробку, — сказала она.

— Спроси отца.

— Он сам сказал посмотреть архив.

— Посмотреть и увезти — у него разные вещи. Ты знаешь.

Она достала телефон. Виктор ответил быстро, будто ждал звонка.

— Нашли?

— Здесь семейные негативы. Я хочу забрать одну коробку в мастерскую и посмотреть нормально.

— Какую?

— Из-под бумаги. Написано «СЕМ».

— Там разное. Не перепутай конверты.

— Не перепутаю. Можно?

— Бери. Потом верни на место. И не давай никому оригиналы, пока не поймёшь, что это.

Надя посмотрела на Артёма. Тот сделал жест: вот, договорились.

— Я не собираюсь ничего раздавать, — сказала она.

— Надя, ты слишком доверчивая. Пришла женщина, рассказала тебе…

— Она показала фотографию.

Отец помолчал.

— Смотри аккуратно, — произнёс он и отключился.

Пока Надя закрывала коробку, Артём достал с нижней полки тяжёлую папку на металлическом зажиме. Между бумагами виднелись старые накладные и инструкции, многие на английском языке. Он пролистал несколько страниц и остановился.

— Терехов, — сказал он. — Сергей Владимирович. Здесь расписки какие-то. За комплектующие.

Надя подошла ближе. На листе в клетку было написано отцовской рукой, что Сергей получил деньги за доставку оборудования. Подпись внизу принадлежала другому человеку. Дата относилась к девяносто девятому году.

— Видишь, они работали, — сказал Артём. — Отец мог правда сделать ему рекламную съёмку. Не надо сразу самое плохое.

Надя узнала собственные слова, только сказанные другим голосом.

— Я и не хочу самого плохого. Я хочу, чтобы он нормально вспомнил заказ.

— Он старый.

— Выпуск училища сегодня вспомнил до фамилии мастера.

— Потому что это ему приятно помнить. А тут какая-то мерзость. Ты думаешь, человек вспоминает по кнопке?

Надя могла бы согласиться. Ей очень хотелось согласиться, и именно поэтому она попросила брата оставить папку на столе.

— Давай я сфотографирую эту расписку. Не для публикации. Чтобы фамилия и отчество были правильно.

— Фотографируй. Только ты мне говори, что делаешь. Не хочу потом узнавать из звонка отца, что мы с тобой на него дело собрали.

Она сняла лист целиком, затем отдельно дату и подпись. Артём не торопил. Он стоял рядом, держа раскрытую папку, и следил, чтобы Надя не упёрлась локтем в стеклянную пластину, торчавшую из соседнего ящика.

— Ты тогда совсем ничего не помнишь? — спросила она. — Осень две тысячи первого. Я в этом платье.

Артём посмотрел на распечатку, которую она положила поверх коробки.

— Помню, что у нас был скандал из-за денег. Не из-за платья.

— Какой скандал?

— Обычный. Мама говорила, что он опять всё вложил в железки. Я слушал музыку в комнате и делал вид, что не слышу. Ты маленькая была. Тебя отправляли к бабушке.

— И что потом?

— Потом перестали ругаться. Как обычно. Ты правда хочешь, чтобы я сейчас восстановил, кто сколько потратил двадцать пять лет назад?

Надя покачала головой. Они поставили папку обратно, а коробку с семейными плёнками Артём вынес к её машине. Он закрыл гараж и дважды потянул за створку.

— У тебя один комплект ключей? — спросила Надя.

— У меня, у него. И у Ромки сейчас ещё один, под перевозку. Отец сам сделал. А что?

— Просто хочу понимать, кто здесь бывает.

Артём посмотрел на неё без улыбки.

— Здесь бывает человек семь, если всех считать. Игорь Денисов раньше половину места занимал, пока свою мастерскую не освободил. Сосед иногда за инструментом заходит. Рома привозит. Отец сам открывает кому угодно, а потом говорит, никто ничего не трогал. Это не хранилище с пропусками.

— Я не обвиняю Романа.

— Я и не защищаю его от обвинения, которого нет.

Он помог поставить коробку на переднее сиденье. Надя пристегнула её ремнём, и брат, уже садясь в машину, усмехнулся:

— Меня бы ты так пристёгивала в детстве, я бы сейчас был гораздо целее.

— Ты бы вылез.

— Это да.

Он уехал первым. Надя проверила время: до половины шестого оставалось больше часа. Она могла вернуться в мастерскую, но решила сначала позвонить Ларисе. Та ответила после нескольких гудков.

— Я нашла семейный отпечаток, — сказала Надя. — Не только скан с афиши. С подписью мамы. Мне там девять.

Лариса ничего не сказала.

— И коробку с плёнками. Но нужную пока не нашла. Я обещала сообщить.

— Приходите завтра, — произнесла Лариса. — Игрушку посмотрим. Я не хочу нести её через весь город. Это глупо, наверное, но мне так спокойнее.

— Не глупо. Я приду.

— В одиннадцать сможете?

Надя открыла календарь. В это время должна была прийти заказчица выбирать ткань для альбома. Можно было предложить ей полдень, но Надя уже один раз переносила встречу.

— Лучше после часа. Я до половины первого работаю.

— После часа хорошо.

Лариса продиктовала адрес и попросила не приносить отца.

— Я не собиралась, — сказала Надя.

— Я всё равно попросила.

Закончив разговор, Надя некоторое время сидела в машине, не заводя двигатель. На ладонях ещё оставалась гаражная пыль, хотя она дважды протёрла их салфеткой. Ей хотелось посмотреть один из негативов прямо сейчас, на свет через лобовое стекло, но она удержалась. Надо было забрать дочь.

Таня вышла из художественной школы с большой зелёной папкой. Надя уже ждала у входа. Дочь уселась на заднее сиденье, аккуратно поставив папку поперёк коленей, и сразу увидела коробку впереди.

— Ты опять дедушкино везёшь?

— Да.

— А моё можно домой положить так, чтобы никто не двигал?

— Можно. Что у тебя?

— Работа. На выставку.

Надя посмотрела на неё в зеркало.

— Ты говорила, что не решила, будешь ли участвовать.

— Я решила.

— Покажешь?

— Дома. Только не фотографируй сразу. Я хочу сначала сама показать.

Надя кивнула и тронулась с места. На первом светофоре она поймала себя на том, что пытается вспомнить, когда Таня последний раз говорила ей про эту выставку. В памяти была только собственная просьба подождать минуту, пока она закончит письмо дизайнеру отцовской афиши.

— Я не буду фотографировать, — сказала она.

Таня посмотрела на неё поверх края папки и чуть ослабила пальцы, которыми держала картон.

Глава 4. Сухарь

Дома Надя не открыла коробку сразу. Она поставила её в комнате на свободный стул, вымыла руки и попросила Таню показать работу.

Дочь разложила на столе несколько листов. На первом была нарисована остановка: люди стояли под навесом, а дождь за его краем падал косо, длинными серыми штрихами. Надя узнала место, хотя Таня не подписала название. На втором листе под тем же навесом оставалась одна женщина с большой сумкой. Третий был почти пустой: только мокрая скамейка и собака, заглядывающая под неё.

— Это три разных времени? — спросила Надя.

— Это один автобус уехал. Потом второй. А она ждала не автобус.

— Кого?

Таня пожала плечами.

— Я пока не решила.

Надя провела пальцем по белому краю бумаги, не касаясь рисунка. Ей хотелось сказать, что женщина похожа на кого-то знакомого, но она остановилась. Таня смотрела на неё слишком внимательно.

— Мне нравится, что на последнем листе её уже нет, — сказала Надя. — Я теперь тоже хочу знать, кого она дождалась.

Дочь чуть улыбнулась и достала ещё один лист, которого сначала не собиралась показывать. Там та же женщина сидела в автобусе возле окна, а на коленях у неё лежала собака.

— Это я, может быть, уберу, — предупредила Таня. — Там всё слишком понятно.

Они поговорили о рисунках до прихода Ильи. Надя не фотографировала их и не звала отца оценить, как правильно передан дождь. Когда дочь убрала листы, оказалось, что за окном совсем стемнело.

Коробку они с Ильёй открыли уже после ужина. Он слушал, пока Надя рассказывала о Ларисе, и не торопился задавать вопросы. Показав обе фотографии, она несколько раз повторила, что отец мог не знать назначения заказа. На третий раз Илья положил снимки на стол.

— Ты мне это говоришь или себе?

Надя посмотрела на него.

— Я не знаю.

— Тогда давай сегодня просто найдём, что здесь есть. А решать, что он мог, будем, когда он расскажет.

Они разложили на чистой простыне конверты из коробки. Надя записывала надписи в том порядке, в каком доставала, а Илья придерживал листки, которые норовили свернуться. Работы оказалось много. Некоторые конверты были пустыми, в других лежало по несколько полосок плёнки, снятых явно в разное время. Надя узнала мамино летнее платье на одном из маленьких индексных изображений и надолго задержалась на нём.

— Это она тебя ждёт? — спросил Илья.

— Наверное. Или папу. Он любил, чтобы смотрели не в камеру.

— Профессионально удобно. Не видно, как люди на тебя сердятся.

Надя рассмеялась, и смех почти сразу оборвался. Илья не стал делать вид, что не заметил.

Нужной полосы они не нашли. Ближе к полуночи Надя поняла, что смотрит на одни и те же конверты по второму разу. Она сложила всё обратно, сохранив порядок, а список оставила сверху. В телефоне было сообщение от отца: «Завтра принеси семейный пакет. Надо ещё несколько снимков выбрать». Надя написала, что пакет пока нужен ей, и долго смотрела на отправленную фразу.

Утром отец не ответил.

К Ларисе она приехала после часа, закончив встречу с заказчицей. Та выбрала ткань цвета незрелой сливы и попросила оставить внутри место для будущих фотографий. Надя показала, как устроены винты, повторив почти те же слова, что вчера. На этот раз они не скрывали ничего особенного.

Лариса жила в обычной пятиэтажке. У подъезда кто-то выставил на выброс детский велосипед без переднего колеса. Надя поднялась на третий этаж и ещё не успела позвонить, как услышала за дверью шаги.

— Я из окна увидела, — объяснила Лариса. — Проходите. Только обувь не снимайте, у меня всё равно сегодня мыть.

Надя сняла: на подошвах была мокрая земля. Лариса не спорила и подала ей старые войлочные тапочки, такие большие, что приходилось чуть поджимать пальцы, чтобы не потерять их на ходу.

В квартире пахло тушёной капустой. На кухне стояла кастрюля, а возле мойки лежал один вымытый нож. Надя заметила над столом календарь на текущий год, исписанный мелкими заметками, и несколько открыток на холодильнике. Ничто здесь не напоминало комнату, остановившуюся в день исчезновения ребёнка. Даже дверь в бывшую детскую была открыта: за ней виднелись раскладной диван, книжный шкаф и складная сушилка с бельём.

— Там Кирилл ночует, когда приезжает из Ярославля, — сказала Лариса, заметив её взгляд. — Дашину кровать я отдала давно. Плохо, наверное.

— Почему плохо?

— Мне один человек объяснял, что мать бы не отдала.

Она сняла с сушилки полотенце, отнесла его в ванную и вернулась.

— Чай будете? Я всё равно буду.

Надя согласилась. Лариса поставила перед ней чашку с тонким сколом на ручке, а себе взяла другую. Потом переменила их местами.

— Эта не режется. Но всё равно.

Игрушка лежала в картонной коробке на комоде. Лариса вынула её вместе с белой тканью, в которую она была завёрнута, и положила перед Надей.

Это был серый плюшевый ослик. Одно ухо загибалось вперёд, другое торчало в сторону. Мех на животе вытерся, а тёмная нить на задней лапе была заметна сразу: шили старательно, но не пытались сделать шов невидимым.

— Сухарь, — сказала Лариса.

Надя подняла глаза.

— Его так звали. Сестра моя привезла. Хотела, чтобы Даша сказала «спасибо», а та сказала, что осёл похож на сухарь с ушами. Так и осталось.

Она подправила ткань под игрушкой. Надя потянулась, но прежде спросила разрешения.

— Можно. Его столько рук трогало, — ответила Лариса. — Это уже не тот предмет, который никому нельзя давать.

Осёл оказался легче, чем Надя ожидала. Она положила его себе на ладонь, потом повернула боком. Ей хотелось сразу почувствовать что-нибудь — прежний вес, грубый мех возле подбородка, запах, — но она чувствовала только ткань, долго пролежавшую в коробке.

— Не помню, — сказала она.

— Совсем?

Надя ещё раз посмотрела на уши.

— Я помню, что держала игрушку. Не свою. Папа просил выше поднять. Но что именно — не помню. Если сейчас скажу, что это был ослик, я уже буду вспоминать то, что вижу у вас.

Лариса наклонила голову. Надя испугалась, что разочаровала её, но женщина только подвинула чашку, освобождая место для коробки.

— Хорошо, — сказала она. — Не будем заставлять вас помнить.

Надя вернула игрушку. Некоторое время обе молчали. Из открытой форточки доносился скрип качелей: во дворе ребёнок раскачивался так сильно, что цепи взвизгивали при каждом движении назад.

— Вы сказали, его вернули отдельно.

— Да. Когда муж уже отдал деньги. В пакете. Сказали, дочь тоже скоро будет дома.

— По телефону?

— В записке. Телефонные разговоры были раньше. Со мной говорили один раз, потом с Геной. Он не хотел, чтобы я…

Она остановилась, допила чай и поставила чашку в блюдце.

— Он думал, что справится лучше. А потом мы ругались, потому что ничего не получилось. Как будто если найти того, кто хуже справился, можно было вернуть Дашу.

Надя вынула семейный отпечаток. Лариса надела очки и рассматривала его долго, переворачивая то к свету, то обратно. Мамин почерк она прочитала вслух, очень тихо.

— «Надюшка. Девять лет».

— Я сфотографировала и оборот, — сказала Надя. — Могу прислать. Сам отпечаток пока хочу оставить у себя.

— Конечно. Это ваш снимок.

Лариса положила его рядом с осликом и вдруг спросила, есть ли у Нади дети.

— Дочь. Двенадцать.

— Как зовут?

— Таня.

Лариса кивнула и больше ничего не спросила. Надя была благодарна ей за это, хотя не могла бы объяснить, какого именно продолжения испугалась.

На кухне зазвонил телефон. Лариса посмотрела на экран и ответила не сразу.

— Да, Кирилл. Нет, я дома. У меня человек… Нет. Не он. Женщина пришла.

Она слушала, отвернувшись к окну. Надя стала складывать свою папку, давая понять, что может уйти.

— Я тебе уже сказала, что узнала её. Не просто похожа. Есть другой снимок… Я не говорю, что это Даша! Кирилл, прекрати.

Голос у неё изменился. Вчерашняя сдержанность исчезла; теперь Надя слышала мать, которую давно не слушает взрослый сын.

— Нет, денег она не просит. Она переплётчица. Я сама к ней пришла. Не нужно приезжать и разбираться. Я ещё умею…

Лариса оборвала себя, подождала и уже тише произнесла:

— Ладно. Вечером поговорим.

Она положила телефон экраном вниз.

— Простите.

— Не надо извиняться.

— Он думает, я опять нашла человека, который мне что-нибудь пообещает. У него основания есть.

Надя не спросила какие. Лариса сама открыла нижний ящик комода и достала тонкий конверт.

— Пять лет назад была женщина. По фотографии определяла, где Даша. Я ей заплатила. Немного, но заплатила. Кирилл потом приехал, устроил скандал. Был прав, конечно. Только с тех пор он считает, что право у него постоянное.

В конверте лежала фотография девушки лет тридцати, распечатанная на обычной бумаге. Надя видела, что изображение взято из интернета: внизу остался обрезанный край страницы.

— А это совсем другая история. Мне её прислали зимой. Живёт в другом городе. Возраст примерно подходил. Я написала. Она ответила, показала детские фотографии, родители у неё живы. Извинилась передо мной.

— За что?

— За то, что не моя дочь.

Лариса убрала лист обратно в конверт. Надя почувствовала, как ей становится тесно в слишком больших тапочках.

— Я ничего такого не обещаю, — сказала она.

— Знаю. Поэтому вы сейчас здесь.

Они вернулись к папке. Лариса показала Наде газетную вырезку: короткая заметка о пропаже девятилетней Дарьи Лукиной. Дата исчезновения была указана точно — четырнадцатое сентября две тысячи первого года. Ребёнок не вернулся после занятий. На снимке в газете Даша смотрела прямо, серьёзно и несколько обиженно; Надя подумала, что ей, вероятно, велели не улыбаться.

— В пятницу, — сказала Лариса. — Я с тех пор все эти пятницы помню.

— Где были занятия?

— В небольшой студии. Танцы, ритмика. Не спортивные, для себя. Она сперва любила, потом ей наскучило. В тот день я работала дольше, должна была встретить её у дома. Ей идти было недалеко. Она ходила так не первый раз.

Лариса произнесла последние две фразы быстро, одну за другой. Надя удержалась от вопроса, который уже стоял у неё на языке. Женщина не должна была снова оправдывать каждую минуту того дня перед случайным посетителем.

— Из студии она вышла? — спросила Надя вместо этого.

— Вышла. С несколькими детьми. Потом они разошлись. Кто-то говорил, видел её с женщиной. Кто-то — возле машины. За первые дни столько всего было сказано, что я потом не могла понять, где чужие слова, а где действительно кто-то что-то видел.

— Кто вёл занятия?

— Валентина Терехова.

Надя невольно посмотрела на фотографию с пирожным. Лариса заметила это движение.

— Вы знаете её?

— Я знаю фамилию. Папа вчера назвал Сергея Терехова. Сказал, он мог заказать съёмку. Уже после того, как вы ушли.

Лариса некоторое время сидела неподвижно. Потом сняла очки и аккуратно положила их на закрытую тетрадь.

— Муж Валентины, — сказала она. — Он умер.

— Да, папа сказал.

— А когда он это вспомнил?

— Вчера. При мне.

— Почему при мне не вспомнил?

Надя не стала придумывать ответ. Лариса поднялась, подошла к комоду и взяла телефон.

— Я вчера позвонила насчёт нового материала. Мне объяснили, куда обратиться. Сейчас надо добавить фамилию.

— Вы собираетесь в полицию?

— Я собираюсь туда, где могут проверить старое дело. Не только мы с вами на кухне. У меня встреча в пятницу, но я не хочу ждать с этим до пятницы.

Надя посмотрела на календарь: вторник, тринадцатое октября. Лариса уже искала в телефоне нужную запись.

— Я могу сама рассказать, что папа сказал, — произнесла Надя.

Лариса подняла на неё глаза.

— Можете. Только именно то, что сказал. Не больше.

Она не стала звонить при Наде. Сначала записала фамилию, имя и отчество Сергея, попросив свериться с фотографией расписки, а потом снова завернула ослика в ткань.

— Валентина тогда нам очень помогала, — сказала она. — Детей собирала, спрашивала, кто что видел. Потом продукты приносила, потому что я не могла выйти. Это ничего не доказывает, я понимаю. И то, что муж её знал вашего отца, само по себе тоже.

Надя видела, сколько усилий требовалось Ларисе на эти последние слова. Женщина хотела схватиться за фамилию, как за ручку закрытой двери, и заставляла себя сначала проверить, туда ли она ведёт.

— Вы с ней общаетесь сейчас?

— Иногда. Она тоже уже не молодая. Сын у неё взрослый. Я его учила английскому, когда он был маленький.

— Роман?

— Да. Вы и его знаете?

— Он помогает нам с перевозкой рам для выставки.

Лариса коротко кивнула. Наде показалось, что она хочет спросить ещё что-то, но передумала.

На прощание Лариса проводила её до двери и вернула семейный снимок в чистый конверт. Надя уже обулась, когда женщина попросила:

— Не говорите вашему отцу, что я собираюсь к Валентине.

— Вы собираетесь?

— Хочу с ней поговорить. Мы давно знакомы. Я не поеду её ловить или обвинять. Мне нужно услышать, что она скажет про заказ мужа.

— Вы только что сказали, что надо дать проверить специалистам.

Лариса посмотрела на неё устало, без прежней жёсткости.

— А вы вчера сразу позвонили отцу.

Надя осталась стоять с рукой на дверной ручке. Ответ был справедливым, и всё-таки ей не нравилось отпускать женщину на такой разговор одну.

— Я буду у себя в мастерской, — сказала она. — Если захотите позвонить.

— Хорошо. И про ткань я решила. Тёмно-синюю. Чтобы не как дело в канцелярии.

— Сделаю образец.

Лариса улыбнулась, но на лестницу не вышла. Дверь закрылась тихо, без обычного звука задвигаемого засова.

Надя спустилась к машине и прежде, чем завести её, отправила Ларисе фотографию расписки целиком. Потом написала отцу: «Ты вчера вспомнил Сергея Терехова. Почему не сказал при Лукиной?»

Сообщение было прочитано почти сразу.

Ответ пришёл, когда Надя уже выехала со двора.

«Не стройте на этом догадок. Я ещё сам проверяю».

Глава 5. Для печати

В среду отец прислал фотографию конверта. На нём было написано: «Сент. 01». Ниже стояли две буквы — «С. Т.», а ещё ниже мелко: «Для печати». Бумага по краю потемнела, и один угол был загнут внутрь.

«Нашёл. Приезжай в ателье», — написал Виктор.

Надя прочитала сообщение перед открытием мастерской. Накануне вечером они с Ильёй перебрали оставшиеся конверты из семейной коробки и снова ничего не нашли. Теперь нужная вещь возникла так быстро, что вместо облегчения она почувствовала досаду. Отец мог искать всё это время. Мог с самого начала знать, где лежит. По фотографии конверта нельзя было отличить одно от другого.

Она ответила, что будет к одиннадцати, и предупредила заказчиков, с которыми договорилась на утро. Отменять весь день ей не хотелось. В мастерской стоял недоделанный тёмно-синий образец для Ларисы; Надя взяла его с собой, чтобы после ателье заехать к ней, если получится.

Отец встретил её возле входа. На стеклянной двери ещё оставалась старая надпись «Фото на документы», хотя теперь он снимал редко и принимал только по договорённости. Нижний угол одной буквы отклеился и завернулся наружу. Илья предлагал заменить всю надпись, но Виктор сказал, что она прослужила двадцать лет и ещё послужит.

— Ты одна? — спросил он.

Надя остановилась на пороге.

— А с кем я должна была приехать?

— Ни с кем. Я просто спросил.

В ателье было тепло. На крючке возле двери висели две одинаковые детские куртки, приготовленные для съёмки школьной постановки: отец согласился помочь знакомой учительнице с афишей. Надя посмотрела на них дольше, чем требовалось. Виктор проследил за её взглядом и отвернулся.

На столе возле компьютера лежал тот самый конверт. Надя не стала сразу его брать.

— Где нашёл?

— В рабочих. Не в семейных. Я же говорил, частный заказ.

— Ты вчера искал?

— Искал. Или ты думаешь, я сижу и жду, когда ты мне следующий вопрос придумаешь?

Он вынул из конверта прозрачный рукав с полоской плёнки и положил на небольшой световой стол. Надя помнила этот стол с детства: ей нравилось прикрывать ладонью белое стекло и смотреть, как пальцы по краям становятся красными.

На полосе было четыре кадра. В первых двух девочка стояла возле стены с игрушкой; на третьем повернула голову, а на четвёртом уже сидела на ящике. Надя наклонилась. В негативном изображении тёмное становилось светлым, лицо казалось непривычным, но позы узнавались сразу.

— Не прижимай пальцем, — сказал отец.

— Я не прижимаю.

— Вижу. Я предупреждаю.

Он поставил рядом лупу, но Надя попросила показать кадры на экране. Виктор достал держатель для сканера. Делал он это неторопливо и уверенно, как делал любую привычную работу, и Надя поймала себя на том, что от этих движений ей спокойнее. Даже теперь отец знал, куда что поставить и какой стороной повернуть.

Пока сканер работал, она рассматривала конверт.

— «С. Т.» — это Сергей Терехов?

— Да.

Впервые он ответил без оговорки.

— Значит, вспомнил.

— Нашёл запись.

— И что он заказывал?

— Пробные фотографии. Говорил, для какой-то печатной продукции. Для рекламы, кажется. Я не веду протокол каждого разговора, Надя.

— Почему на двух кадрах лица почти не видно?

— Потому что так просили снять.

Она подняла глаза. Виктор уже смотрел в монитор, где появлялось предварительное изображение.

— Кто просил?

— Серёжа. А кто ещё? Ты видишь буквы на конверте.

— И игрушку он принёс?

— Реквизит был его.

Это слово оказалось удобнее ослика. Реквизит не лежал двадцать пять лет в коробке у женщины, которая помнила, как зашивала лапу. Он мог быть чьим угодно и предназначаться для чего угодно.

— Где вы снимали?

Отец подвинул мышь, увеличивая изображение.

— У Игоря. Тогда у него была мастерская, во дворе сарай. Терехов там что-то держал из оборудования. Мы туда заехали. Свет был хороший, стена подходила.

— У Игоря Денисова?

— Да. Ты его не помнишь, наверное.

— Артём позавчера говорил, он у тебя в гараже место занимал.

— Потом. Это потом было. Я не про этот гараж.

Надя достала блокнот.

— Адрес помнишь?

— Там всё перестроили. Я покажу, если поедем. Сейчас адреса не скажу.

Он повернул к ней монитор. Девочка возле стены стала обычной, не негативной. На одном кадре волосы скрывали почти всё лицо, на другом была видна часть щеки и ресницы. Третий снимок показал Надю целиком: она обернулась, приоткрыв рот, как будто отец окликнул её в тот момент, когда она смотрела в сторону.

Она вспомнила, как чесалась шея под воротником. Воспоминание пришло резко, с неприятным желанием просунуть палец под ткань. Надя положила ладонь на собственное горло и сразу убрала, чтобы отец не заметил.

— Вот, — сказал Виктор. — Никаких чудес. Обычная съёмка.

Надя посмотрела на первый кадр, затем на третий.

— Я не говорила про чудеса.

— Ты вчера разговаривала так, будто я должен тебе объяснить что-то невозможное. Вот плёнка. Вот ты. Я снял, отдал пробу. Что с ней делали потом, не ко мне вопрос.

Он откинулся на спинку стула. Надя поняла, что именно ради этого её позвали: он хотел показать ей отсутствие тайны в самом изображении. Настоящий ребёнок, настоящая стена, знакомая работа. Она всё видит своими глазами и теперь должна успокоиться.

— Ларисе сначала прислали снимок, — сказала Надя. — Потом вернули игрушку. Ты мне сейчас показал, что реквизит тебе привёз Терехов. Я могу ей это сказать?

— Скажи, что я не знал про её дочь.

— А остальное?

Он снял очки, но на этот раз не стал протирать.

— Ты уже всё говоришь без моего разрешения. Зачем спрашивать?

Надя подождала. Отец посмотрел на неё, потом на светящийся экран и снова надел очки.

— Скажи. Только не добавляй от себя. У вас у всех сейчас одно желание — найти, на кого это повесить.

Надя села на свободный стул. Ей хотелось встать и уйти, но на экране оставались четыре кадра, ради которых она приехала.

— Сделай мне копии. Всех четырёх. И конверта.

— Я тебе отправлю.

— Сейчас, пожалуйста.

Виктор набрал имя папки и стал сохранять файлы. Он назвал её «Надя_архив», точно все эти изображения принадлежали только их семье.

В дверь постучали, и почти сразу вошёл Роман Терехов с двумя рамами под мышкой. Он был в тёмной куртке, расстёгнутой поверх серого свитера. Надя узнала его раньше, чем он заговорил: по прямой спине и той же привычке сначала оглядеть помещение, а уже потом здороваться.

— Виктор Павлович, эти не подходят. У них угол разошёлся. Я оставлю, пусть ваши посмотрят.

Он поставил рамы возле стены и повернулся к Наде.

— Привет. Давно не виделись.

— Привет.

— Артём сказал, ты теперь целиком переплётами занимаешься. Хорошо идёт?

— По-разному.

— У меня знакомая фотокниги делает. Может, вам надо познакомиться. У неё заказы есть, а с обложками всё время сроки плывут.

Надя сказала, что можно прислать рабочий контакт. Роман достал телефон и сразу отправил ей визитку, не растягивая предложение в обещание большого будущего. Потом посмотрел на монитор.

— Это к выставке?

Отец успел ответить раньше Нади:

— Семейное смотрим.

Роман кивнул, но Надя заметила, что он рассмотрел изображение, а не просто скользнул по нему глазами.

— Это снимали по заказу твоего отца, — сказала она.

Виктор резко выпрямился.

Роман повернулся к ней.

— Моего?

— Сергея Владимировича. В две тысячи первом.

— Мне тогда семнадцать было. Я в его работе почти ничего не понимал.

— Ты не помнишь такую съёмку?

Он подошёл на шаг ближе к экрану, не наклоняясь над Надей.

— Нет. А что с ней?

Надя посмотрела на отца. Виктор делал вид, что проверяет кабель за компьютером, хотя минуту назад всё работало.

— Копию одного кадра получила семья пропавшей Даши Лукиной. Как будто на нём она.

Роман медленно перевёл взгляд на Виктора.

— Это Лариса Андреевна принесла?

— Да. Ты знаешь?

— Она вчера у матери была. Мама сказала, какие-то старые фотографии нашлись. Я не понял, что речь об этом.

Он снова посмотрел на снимок.

— А здесь ты?

— Я.

Роман провёл ладонью по затылку и отошёл к рамам.

— Странно, — сказал он. — Очень странно.

— У твоей матери что-нибудь осталось от работы Сергея? — спросила Надя. — Бумаги, письма? Может быть, он записывал заказы.

— Он ремонтировал и возил. Не знаю, какие заказы он записывал. Есть коробки. Мама кое-что хранила.

— Можно посмотреть?

— Это у неё спрашивай. Я не буду за неё разрешать. Если ей надо будет привезти, я привезу.

Он говорил ровно, без заметного раздражения, и Надя не могла понять, почему отец всё ещё не поворачивается от компьютера.

— Я спрошу, — сказала она.

Роман взял со стола рулетку, измерил одну из рам и записал размер в телефон. Потом предупредил Виктора, что в пятницу сможет забрать остальное только после обеда.

— Артём хотел с утра, — сказал отец.

— У меня доставка с утра. Если он сам вытащит к воротам, я потом заберу. Мне не надо там полчаса коробки двигать.

— Договоритесь между собой.

Роман попрощался. Когда дверь закрылась, Виктор долго смотрел на оставленные рамы.

— Зачем ты ему рассказала?

— Потому что ты сам назвал его отца.

— Я назвал тебе.

— Папа, это фотография из дела о похищении. Я не могу обращаться с ней как с твоим неудачным портретом, который надо тихо убрать из подборки.

Он повернулся к ней с таким выражением, будто она сказала нечто непозволительно личное. Надя действительно видела, как он убирает неудачные портреты. Никогда прежде ей не приходило в голову считать это недостатком.

Файлы пришли на её почту. Она открыла письмо на телефоне и проверила, что вложения загрузились. На маленьком экране её детское лицо было совсем живым и очень чужим сегодняшнему дню.

— Плёнку я пока оставлю здесь, — сказал Виктор. — Если понадобится официально, пусть берут официально. Мне не нравится, что всё это таскают из рук в руки.

— Я скажу, где она.

— Скажи.

Он убрал полоску в рукав, затем в конверт. Надя сфотографировала конверт на столе, прежде чем он закрыл ящик. Отец видел, что она делает, и не остановил.

На улице она позвонила Ларисе. Та ответила быстро, словно держала телефон в руке.

— Нашёлся негатив, — сказала Надя. — Там четыре кадра. На одном лицо видно. Это точно я.

— Вы его забрали?

— Нет. Отец оставил у себя. Я получила сканы. Он согласен показать, если запросят. И назвал место съёмки. У Игоря Денисова, в старой мастерской. Не в нынешнем гараже.

Лариса попросила повторить фамилию. Надя повторила и добавила, что точного адреса пока нет.

— Вы были у Валентины? — спросила она.

— Была. Вчера вечером.

— Что она сказала?

— Что её муж не мог такого заказать. Что он мог доставить что-то, передать, но не мог знать про снимок для нас. А ваш отец говорит обратное?

— Он говорит, что не знал назначения. И что заказ был от Сергея.

— Значит, оба пока ничего не знали, — сказала Лариса.

Надя не стала возражать. За её спиной отец открыл дверь ателье и вынес к крыльцу мусорный пакет. Он увидел, что она разговаривает, и не подошёл.

— Я отправлю вам всё, что получила, — сказала Надя. — И в пятницу могу пойти с вами. Рассказать сама.

— Можете?

В голосе Ларисы впервые за этот разговор появилось что-то, кроме усталой сосредоточенности.

— Да. Я перенесу работу.

— Тогда я вечером уточню время. И не выбрасывайте свой снимок. Тот, с пирожным.

— Почему я должна его выбрасывать?

Лариса помолчала.

— Не знаю. Я бы, может быть, захотела.

Надя посмотрела на конверт в своей сумке. Мамины буквы оставались на обороте, а на лицевой стороне она всё ещё старалась удержать пирожное обеими руками.

— Я оставлю, — сказала она.

Отец стоял возле мусорного бака и ждал, пока она закончит разговор.

Глава 6. Синие ворота

В четверг Надя закончила образец переплёта для Ларисы. Тёмно-синяя ткань на большом куске выглядела почти чёрной, но возле окна в ней проступал мягкий холодный оттенок. Надя поставила рядом образец с надписью, подумала и убрала его. Лариса просила без букв; незачем было снова предлагать ей чужое представление о красивом.

Они созвонились после обеда. Встречу на пятницу назначили на десять, и Надя записала адрес, который продиктовала Лариса.

— Не перепутайте вход, — сказала та. — Там с другой стороны. Я сама в первый раз перепутала.

— Мы можем вместе подъехать.

— Давайте я вас возле дома подожду. Без десяти девять не надо, слишком рано. В половине десятого хватит.

— В половине десятого.

Надя хотела рассказать про ткань, но Лариса извинилась: ей надо было выходить.

— Вечером посмотрю фотографию. Вы пришлите. И ещё…

Она замолчала. На заднем плане послышался металлический звон, будто в подъезде закрыли дверь.

— Что?

— Ничего. Вечером. Я хочу ещё одну вещь уточнить, потом скажу нормально. Не люблю по кускам.

— Хорошо.

Лариса попрощалась. Надя отправила ей снимок образца, а следом написала: «Без надписи, как договаривались». Сообщение было доставлено, но прочитанным не стало.

Вечером Илья приехал с дочерью за ней в мастерскую. Надя ещё не закончила работу: на одном из заказов ткань легла неровно, пришлось переделывать крышку. Таня уселась на стул для посетителей, где в понедельник сидела Лариса, и достала из рюкзака тетрадь. Илья сходил за пирожками. Пока они ели, Надя поймала себя на том, что смотрит на дочь, сидящую боком к окну, и мысленно видит её на старом снимке возле стены.

— Мам, ты чего?

— Ничего. Устала.

Таня не поверила, но спорить не стала. Она попросила проверить два предложения по английскому, и Надя вдруг вспомнила, что Лариса преподавала именно его. Ей захотелось позвонить и задать обычный вопрос, не связанный ни с чьим исчезновением. Она даже достала телефон, потом решила, что это было бы странно: они знакомы всего несколько дней, у женщины свои дела.

После девяти Надя всё-таки позвонила. Лариса не ответила.

— Завтра утром наберёшь, — сказал Илья, когда Надя посмотрела на экран во второй раз. — Может, человек спит.

— Она обещала вечером.

— Ты тоже иногда обещаешь.

Надя убрала телефон. Она не обиделась, потому что это было правдой. Они поехали домой, и по дороге Таня спорила с отцом, можно ли называть хот-догом сосиску без булки. Илья упорно называл это собакой без дома, пока дочь не сказала, что он безнадёжен.

Утром Надя проснулась до будильника. В комнате было темно, только за дверью светилась полоска из кухни. Илья уже собирался на работу. Надя лежала ещё несколько минут, слушая, как он открывает шкафчик и негромко ставит чашку на стол. Ей впервые за эту неделю

хотелось просто остаться дома и заняться тем, что было перед глазами: выстиранным бельём, Таниной формой, стопкой книг возле кровати.

Телефон зазвонил, когда она наливала чай.

Артём.

— Ты где? — спросил он.

— Дома. Что случилось?

Он не ответил сразу. Надя услышала его дыхание и чей-то голос в стороне.

— Я в гараже. Папином. Тут женщина.

— Какая женщина?

— Лежит. Я скорую вызвал. И полицию.

Надя поставила чайник мимо подставки, прямо на стол. Илья молча подвинул под него полотенце.

— Артём, что значит — лежит?

— Надя, я не врач. Я к ней подошёл, она… Не знаю. Я больше не трогал. Мне сказали выйти. Я вышел.

— Ты её знаешь?

— Нет. В сером пальто. Сумка синяя рядом. Не приезжай пока, слышишь? Я просто… Я не знаю, кому ещё сказать. Отец трубку не берёт.

Надя почувствовала холод в пальцах.

— Во сколько ты приехал?

— Только что. За рамами. Рома после обеда должен был забрать, я хотел вытащить к воротам. Там за столом… Надь, мне надо ответить. Я перезвоню.

Связь оборвалась.

Илья стоял рядом. Он видел её лицо и больше не спрашивал, что случилось. Надя набрала Ларису. Длинные гудки сменились сообщением о недоступности абонента.

— Я поеду, — сказала она.

— Я тебя отвезу.

— У тебя работа.

— Сейчас отвезу. Таню я разбужу, она сама соберётся. Только скажи ей, что ты уходишь, а то она испугается.

Надя сначала позвонила отцу. Он ответил после долгих гудков, сонный и раздражённый.

— Что с утра?

— Пап, в твоём гараже нашли женщину. Артём вызвал скорую и полицию. Ты где?

— Дома. Какую женщину?

— Не знаю. Ты вчера там был?

Он выдохнул в трубку.

— Был. Днём. Что случилось-то?

— Я еду. Пожалуйста, ответь Артёму. И не садись сразу за руль, если тебе плохо.

— Мне не плохо. Я не понимаю, что ты говоришь.

Надя повторила ещё раз, медленнее. Отец не перебивал. Когда она закончила, он сказал, что сейчас приедет, и отключился.

Надя открыла дверь в дочерину комнату. Таня спала, отвернувшись к стене; на подушке лежала рука, тёплая и сонная, с едва заметной полоской синей краски возле ногтя. Надя коснулась её плеча.

— Тань. Мы с папой ненадолго уедем. У дедушки в гараже случилось несчастье. Дедушка дома, он жив. Ты собирайся в школу, папа тебе сейчас всё оставит на кухне.

Дочь приподнялась на локте.

— Какое несчастье?

— Пока не знаю точно.

Это было правдой. Надя держалась за неё, пока обувалась, пока искала ключи, пока застёгивала куртку. Она не знала точно. Серое пальто и синяя сумка не принадлежали единственной женщине в Рыбинске.

Илья вёл молча. Надя стянула шарф и положила на колени: в машине было слишком жарко, хотя печка работала едва слышно. На перекрёстке впереди загорелся красный, и Надя впервые в жизни захотела попросить его проехать. Она знала, что он не проедет, и от этого почему-то стало легче.

Возле гаражей уже стояла машина скорой помощи. Чуть дальше — полицейская. Артём сидел на низком бетонном блоке возле соседних ворот, положив локти на колени. Куртка была расстёгнута, хотя утро выдалось холодным. Когда Надя вышла, он поднялся и сразу сказал:

— Я же просил не приезжать.

Она остановилась перед ним.

— Кто там?

— Не знаю. Документы смотрят. Мне туда больше нельзя.

Из гаража вышел мужчина в медицинской форме, поговорил с полицейским и пошёл к машине. Надя смотрела на него, ожидая носилок, движения, какой-нибудь торопливости. Никто не торопился.

Артём заметил, куда она смотрит.

— Она умерла, — сказал он.

Илья подошёл ближе, но не стал её обнимать. Надя была благодарна и за это: если бы он сейчас прижал её к себе, она, возможно, перестала бы стоять.

— Пальто серое? — спросила она.

— Я сказал уже. Серое. Надя, ты кого ждёшь там увидеть?

Она достала телефон, открыла недавние изображения: сканы старых кадров, конверт, образец синей ткани. Фотографии Ларисы у неё не было. Ни одной. Четыре дня они смотрели на детей, живших двадцать пять лет назад, а женщина напротив так и не попала в кадр.

— Я должна была сегодня встретить Лукину, — произнесла Надя. — В половине десятого. Она со вчерашнего вечера не отвечает.

Артём отступил на полшага.

— Ту самую?

Надя кивнула.

— Ты отцу говорила, что она сюда собирается?

— Она мне не говорила, что собирается сюда.

Полицейский, стоявший возле ворот, посмотрел в их сторону. Илья подошёл к нему и негромко объяснил, что они родственники владельца гаража, а Надя, возможно, знает погибшую. Мужчина попросил их подождать.

Надя видела только ближнюю часть гаража: стойки у левой стены, край стола, коробку, которую они с Артёмом не трогали в понедельник. Свет внутри был включён. Одна лампа всё так же не горела. Глубже, за столом, стоял человек в защитных перчатках. Он наклонился, закрыв от Нади всё, что находилось на полу.

Она отвернулась. Ей стало стыдно за желание увидеть, будто от этого можно было что-нибудь изменить.

Отец приехал через несколько минут. Он выскочил из машины без шапки и сразу направился к воротам, не замечая ни детей, ни Ильи. Полицейский остановил его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.